

Владимир Булдаков

Первая мировая война и надежды на экономическое возрождение России: цена иллюзий

В современной литературе Первая мировая война обычно рассматривается как тотальное несчастье, обрушившееся на европейский мир по непонятным причинам. Забывается, что ее начало было встречено вступающими в нее народами с особыми надеждами. Россия не представляла исключения: преобладала уверенность, что война приведет к обновлению страны, в том числе и в хозяйственной области. Всякие опасения на этот счет были отброшены.

Между тем, незадолго до войны тогдашний министр Александр Кривошеин в специальной записке для Министерства земледелия отмечал, что предыдущее развитие России к началу XX в. «едва не завершилось общим экономическим кризисом». «Если все останется в прежнем положении, – предупреждал он, – то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем».¹ Другие, близкие к правящим верхам деятели считали, что «в последние пятьдесят лет перед войной Россия была тяжким хроником, хотя казалась здоровой и сильной»,² а армия не была готова к войне по причине «громадности и тяжеловесности бюрократической машины мирного времени».³

В настоящее время подобные предупреждения забываются. Существует представление, что Россия была готова к войне и/или успела быстро мобилизовать ресурсы для победоносного ее завершения.⁴ Получается, что революцию подготовили «заговорщики» – начиная с членов великокняжеской семьи, кончая зловредными социалистами.⁵ По сути дела это воспроизведение некоторых «оптимистичных» прогнозов начала войны.⁶

Насколько объективно воспринимали экономическое положение России накануне и в ходе войны ее современники? Каково происхождение их взглядов?

Иван Озеров, известный экономист, публицист, член Государственного совета, выступая 9 июня 1914 г. перед сенаторами в ходе обсуждения бюджета, заявил: «Наша промышленность <...> обставлена массами пут. У нас под влиянием этих пут

¹ Цит. по: *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 49.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5881, оп. 2, д. 533, л. 91.

³ Там же. Л. 95–96.

⁴ Россия и Великая война: Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы конференции. Москва, 8 дек. 2010 г. М., 2011. С. 7.

⁵ *Никонов В. А.* Крушение России: 1917. М., 2011. С. 474–550.

⁶ См.: *Розанов В. В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915.

совершается нередко промышленный маскарад. <...> Русские предприятия конструируются не на русской территории <...> а где-то в Берлине, во Франции или в Англии». Некоторые его заявления звучат поразительно современно: чтобы открыть предприятие в России требуется от 6 месяцев до года, как результат «мы имеем массу русских предприятий, которые регистрируются за границей», а иностранцы отказываются вести дела в России. Итак, «если мы не дадим свободы творчества русскому населению, то мы производительных сил у нас не разовьем».⁷ Сходные мысли высказывались и другими авторами. «Россия должна очистить Авгиевы конюшни бюрократизма», избавиться от взяточничества и административной волокиты, писали еще в 1907 г. отнюдь не либеральные деятели.⁸

Нельзя сказать, чтобы такие представления были уникальными. Все европейские народы жили перед войной с ощущением необходимости избавления от препятствий, мешающих успешному движению вперед. Отсюда миф об «освободительной» войне, надежды на «чудо» мгновенного решения всех проблем. Причины такого состояния умов сегодня понятны: демографический бум повлек за собой «омоложение» населения; прогресс технологий убеждал во «всесилии» человека – соответственно возросла «авантюристичность» социальной среды. Избежать мирового конфликта становилось все труднее.

Озеров, как и многие другие авторы, вкладывал в войну *экономически освободительный* характер. Это соответствовало всеобщим лозунгам войны *за свободу*. Предполагалось, что Россия «очистится» войной, избавится от всевозможных врагов – в том числе и внутри ее. Главным среди последних поначалу считался бюрократизм.

Причина «застоя», по мнению Озерова, была связана с тем, что российская бюрократия ориентировалась на текущую конъюнктуру, а не на будущее, исходя из психологии *стабильности*, а не прогресса. Экономическая политика была пассивно-охранительной. Как результат, промышленность не была приспособлена к работе в экстремальных обстоятельствах. Победить в будущей войне рассчитывали исключительно за счет запасов мирного времени. Озеров приводил впечатляющие примеры хозяйственных нелепостей. По его словам, больше половины российского сырьевого экспорта в 1913 г. приходилось на Германию, в результате чего «мы своими деньгами питали германскую промышленность» и «тем самым давали деньги на вооружение Германии». Теперь, чтобы эмансипироваться от заграницы, предстоит акклиматизировать в России новые производства (машиностроение, химическое производство и т.д.). Но дело было не только в новых отраслях и технологиях. «Надо сплотиться русскому обществу в целях экономического освобождения России, – считал он. – Нам должно быть стыдно перед Богом и людьми, что мы, обладая такими естественными ресурсами, остаемся в кабале у других стран».⁹ Ситуация действительно была противоестественной. Академик Владимир Вернадский в 1916 г. констатировал, что из 61 полезного химического элемента в России добывалось

⁷ Озеров И. Х. На Новый путь!: К экономическому освобождению России. М., 1915. С. 287, 290, 291.

⁸ Карцов Ю. Революция сверху. СПб., 1907. С. 3.

⁹ Озеров И. Х. На Новый путь! С. 326.

только 31 – даже алюминий приходилось ввозить из-за границы, поскольку запасы бокситов в России не исследованы.¹⁰

В своих алармистских настроениях Озеров и Вернадский были не одиноки. Инженер-электрик Эрнест Бухгейм в книге «К экономическому освобождению России» отмечал, что в России царит «вакханалия импорта». Так, он отмечал, что «Урал на мировой рынок выбрасывает около 95 % всей платины, которая целиком в сыром виде вывозится за границу, откуда нам и диктуют цены на очищенную уже платину – мы же в России обрабатываем едва 0,5 % получаемой у нас платины». Он тут же приводил свидетельства специалистов, видевших в Германии «роскошно оборудованные фармако-химические заводы-дворцы, построенные, по заявлению самих немцев, наполовину на русские деньги».¹¹ Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал Алексей Маниковский утверждал, что поскольку на протяжении многих лет Германия обеспечивала Россию вооружениями, то становление немецкой военной промышленности в значительной степени осуществлялось на русские деньги.¹²

Иностранные предприниматели действительно сыграли непропорционально большую роль в российской экономике, но теперь ругали только «немцев». Строго говоря, рассчитывать на модернизационный рывок на одной автохтонной базе вообще не приходилось. Но возможен ли экономический прогресс с помощью запретов по этническому принципу?

В сущности, проблема «возрождения экономики» России сводилась к задаче соединения теории с практикой. По уровню развития фундаментальной науки Россия не отставала от Запада. Вернадский по-своему пытался заглянуть в будущее. Он заявлял, что война создаст новую ситуацию: решающее значение приобретет соперничество между нациями в области изучения и использования собственных природных богатств и производительных сил. В январе 1915 г. он выступил с предложением о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил страны – КЕПС. В феврале 1915 г. Академия наук готова была отказаться от «чистой» науки. Вернадский призывал к мобилизации ученых-естественников и даже гуманитариев, по примеру инженеров, химиков, врачей и бактериологов, для работы на нужды обороны.¹³ Довольно оригинальный рецепт освобождения от экономической зависимости был у Бухгейма. Он предлагал «электрификацию страны и широко организованную кооперацию».¹⁴ Как известно, первым из этих предложений воспользовались лишь большевики с их планом ГОЭЛРО.

Но все это походило на благие намерения, а не на конкретные планы. Правда, в начале войны в Москве возникло Общество экономического возрождения России, тут же поддержанное газетой *Новое время*, рьяно проводящей антинемецкую линию.

¹⁰ Вернадский В. И. Очерки и речи. Т. 1. Пг., 1922. С. 65.

¹¹ Бухгейм Э. О. К экономическому освобождению России путем электрификации ее территории. М., 1915. С. 27.

¹² Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920. С. 237.

¹³ Вернадский В. И. узаз. соч. С. 131–132, 5.

¹⁴ Бухгейм Э. О. К экономическому освобождению России путем электрификации ее территории. С. 29.

Но ее сторонники рассчитывали, главным образом, на поддержку правительства, а апелляция к «купечеству, которое должно стянуть с себя вековую лень, бросить привычку стричь купоны с процентных бумаг, а помещать свои капиталы в дело», носила характер обычной риторики. То же самое можно сказать о надеждах на «помощь всего русского населения в виде бойкота всего немецкого».¹⁵

Идея «экономического возрождения России» была частью неославянофильской утопии того времени. Не случайно некоторые приверженцы Общества писали, что «возрождение России — это проснувшийся Илья Муромец».¹⁶ Сомнительно, что подобную риторику можно было перевести в практические дела. Недаром некоторые связывали идею экономического возрождения России со «слабыми потугами москвичей», которые скоро «будут раздавлены мощной ногой из Петрограда» (который, естественно, считался форпостом немецкого влияния).¹⁷

На практике соединения «капитала ума и капитала денег» не получалось. Правда, из Киева сообщали, что там благодаря агитации экономистов, «затевается освобождение от немцев в области химической промышленности», но уверенности в успехе этого начинания не было.¹⁸ Идея «американизации» предпринимательства, получившая заметное распространение, также не прививалась. Протекционистские формы государственного индустриализма по-прежнему развращали, «национальная модель» капитализма не складывалась.

Озеров отмечал и социокультурные причины отставания России. Среди них назывались российская пассивность, нерасторопность, лень. Это считалось результатом затянувшегося крепостничества. Но он признавал и то, до сих пор «никакой мы политики не проводили: мы одно знали — выжимать деньги из населения, выжимать всеми средствами».¹⁹

Это звучало симптоматично. Вполне благонамеренные люди начали мыслить не только в «освободительном» но и «революционном» дискурсе: война должна осуществить переворот в экономике. Совершенно не случайно рядом с рассуждениями Озерова можно поставить заявление, принадлежавшее неизвестному российскому социалисту. «Догма экономически-автоматического прогресса будет окончательно сдана в архив»,²⁰ — утверждал он.

* * *

¹⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1950.

¹⁶ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 997, л. 1695 а об.

¹⁷ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1933.

¹⁸ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1002, л. 2218.

¹⁹ Озеров И. Х. На Новый путь! С. 322.

²⁰ Подвергнувшееся перлюстрации письмо было отправлено 2 нояб. 1914 г. из Иркутска С. И. Лагунову в Харьков. См.: ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 979, л. 13.

Война сразу же принесла неожиданность. В августе 1914 г. российских предпринимателей охватила настоящая паника: зависимость России от промышленно-технологического импорта оказалась настолько велика, что о модернизационном рывке можно было забыть. Что же мешало инновациям? Только ли пресловутая «русская лень», помноженная на бесхозяйственность и разгильдяйство?

Проблема экономической эффективности в России была напрямую связана с проблемой управления. Всякая патерналистская система тяготеет к использованию «методов» запрета, а не поощрения. В экстремальных условиях это не могло не сказаться. Положение усугубилось в связи с разделением управления империи военную и гражданскую части. Должной координации между ними не было: управленческие импульсы со стороны императора были слабыми и невнятными. Как результат, Совет министров скоро ощутил свое бессилие.

В правящих верхах основные надежды возлагались на государство и казенную промышленность, работающую на оборону. Считалось, что ее продукция обходится дешевле, чем частная. Но современные исследователи возражают, указывая, что в себестоимость продукции казенных заводов следует включать и общие государственные расходы на поддержание их жизнедеятельности.²¹ В любом случае, вряд ли можно было рассчитывать на особую инновационную активность госсектора экономики. Так, на первый год войны внутри страны было заказано 8647 орудий, а произведено было лишь 88, то есть 1 % требуемого.²² Частично это было связано с непростительно медленной перестройкой производства.

Между тем, в верхах разгорелся спор каким должен стать новый оружейный завод – казенным или частным? Естественно, частные предприниматели всячески отстаивали свои интересы, указывая на пагубность насаждения казенных заводов. В результате согласованный план строительства новых военных заводов так и не был реализован. С другой стороны, власть все больше ориентировалась на заграничные заказы.

Как результат неудач в перестройке экономики, хозяйственные слабости России все чаще стали связывать со «злокозненностью» немцев. «Немецкое засилье» стали воспринимать как тотальную напасть. В газетах писали, что русские знают, за что сражаются – предстоит сбросить немецкое экономическое иго. А либерал Сергей Гессен ставил задачу создания нации, как «духовно-экономического целого» через «очищение» войной.²³ В частной переписке встречались размышления о том, что вездесущих немцев придется «выкуривать» из экономики России и после войны.²⁴ Но все же преобладали надежды на то, что после войны наступит «година экономического расцвета и благополучия».²⁵

²¹ Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю: Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 305.

²² Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 30–31.

²³ Гессен С. И. Идея нации // Вопросы мировой войны / М. И. Туган-Барановский (ред.). Пг., 1915. С. 589.

²⁴ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 996, л. 1556.

²⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 998, л. 1709.

В низах подобные рассуждения и призывы воспринимались порой в чисто шовинистическом духе. Так, рабочие в борьбе против «немецкого засилья» принялись выявлять «вредителей» на производстве. Это вряд ли способствовало повышению его эффективности.

В правительственных верхах то и дело возникала паника по самым различным вопросам. «Входим в сумасшедший дом, — заявлял Кривошеин 13 сентября 1915 г. — Трагизм разновластья. Бедлам». «Анархия в экономической и правовой жизни страны», — вторил ему министр Николай Щербатов. Через десять дней он же отмечал «хаос на железных дорогах» и повсеместную опасность голодных бунтов, бессильно констатируя, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов». 2 декабря 1915 г. Кривошеин повторился: «Сплошное безумие, бедлам».²⁶ Это было связано с тем, что «метод запретов» распространился на губернский уровень. Известный правый публицист Лев Тихомиров записывал в дневнике 6 марта 1915 г.: «Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится — Москве грозит голод».²⁷ 15 ноября 1916 г. князю Дмитрию Святополк-Мирскому писали из Тульской губернии: «Россия была бы сыта и обеспечена всем необходимым (...), если бы только правительство проявило больше скромности и уважения к экономическим законам. Вместо этого оно бросилось хозяйничать, запрещать и приказывать и создало в короткое время тот голод среди изобилия». Но виноватым признавалось не только правительство. Признавалось, что «общественное мнение ужасно любит реквизиции, конфискации и вообще всю эту область»²⁸ — можно сказать, что в обществе существовало своего рода «антимодернизаторское» поветрие.

* * *

Конечно, сказывалось историческое своеобразие хозяйственного существования империи. Экономика России была многоукладной, но основная причина хозяйственных неурядиц была не только в этом. Строго говоря, всякая экономика многоукладна, другое дело — связи между укладами. Если они блокируются либо бюрократией, замыкающей естественный продуктообмен на себя, если они сдерживаются хозяйственной замкнутостью наиболее архаичных укладов, если, наконец, в низах нет гражданского понимания общего хозяйственного блага, в экстремальных обстоятельствах многоукладность может обернуться «многоконфликтностью» — войной всех против всех. Между тем, хозяйственные уклады в годы войны неуклонно «разъезжались». Эта опасность усугублялась спецификой российской финансовой системы.

Предвоенный бездефицитный российский бюджет базировался на косвенном налогообложении, значительную часть которого составляли акцизы. Жесткий «золотой стандарт» обеспечивал приток иностранных капиталов. С другой стороны, пре-

²⁶ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 271–272, 277, 284.

²⁷ Дневник Л. А. Тихомирова: 1915–1917 гг. / А. В. Репников (сост.). М., 2008. С. 46.

²⁸ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1061 л. 1104.

обладание экспорта (главным образом сельскохозяйственного) над импортом создавало положительное внешнеторговое сальдо. Таким нехитрым способом создавался «золотой мост», по которому шли средства для индустриализации. Но он мог действовать только в мирных условиях. В экстремальных условиях империя становилась должником более развитых стран. Ситуацию усугубило введение сухого закона.

«Оптимизм» верхов базировался на представлении, что война окажется скоротечной, накоплений мирного времени для ее победоносного завершения будет достаточно. Не случайно мобилизацию всех ресурсов страны для крупномасштабной войны правительство начало лишь спустя год. А пока оно интенсивно и нерасчетливо закупало материальные ресурсы за границей. Так, в начале войны французы предложили закупить стальные каски по цене 11 франков. Мнения российских военных верхов на этот счет надолго разошлись. В конечном счете, каски все же закупили, но уже по цене 25 франков за штуку.²⁹

Уже к осени 1914 г. обнаружилась нехватка винтовок. Для исправления положения пришлось и здесь прибегнуть к поставкам. В конечном счете, сложилась следующая картина. В 1914–1917 гг. русскими заводами было изготовлено и отремонтировано 3576 тыс. винтовок, а из-за границы за это же время получено 3713 тыс. винтовок – французских, японских, американских и даже итальянских. На вооружении русской армии оказались винтовки 10 различных систем, включая устаревшие однозарядные, поставляемые союзниками. При этом недостаток винтовок сохранялся.³⁰ Справедливости ради следует сказать, что нехватку стрелкового ощутили и в Германии. Но там проблема была решена путем раздачи производства отдельных частей ружья на частные заводы.³¹ В России такое было невозможно – подобные заказы попросту негде было размещать. Доходило до парадоксов: патроны к японским винтовкам Арисака производили и поставляли англичане. В конечном счете, более половины винтовок, которыми воевали русские солдаты, было произведено за границей. С пулеметами Максима были свои сложности: их производить мог только Тульский завод. «Окончательно отдаемся в руки добрых союзников, – иронизировали в Совете министров в марте 1916 г. – Переходим из огня в полымя, из немецкого засилья экономического в английское».³²

Теперь требовались закупки того, что имелось в стране в изобилии, – например, серный колчедан, исходный продукт для производства серной кислоты, без которой невозможен выпуск взрывчатых веществ. Возникали и «странные» нужды. В апреле 1915 г. американский рынок получил из России заказ на производство 400 тыс. пехотных топоров и 600 тыс. киркомотыг.³³

Для растущих заказов за рубежом требовались все более значительные суммы. В июне 1915 г. министр финансов Петр Барк признал: «Надо ждать крушения фи-

²⁹ ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 201, л. 52.

³⁰ Марков О. Д. Русская армия 1914–1917. СПб., 2001. С. 247.

³¹ Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М., 2009. С. 77.

³² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 325.

³³ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 55.

нансовой системы».³⁴ Начальник снабжения армии генерал Маниковский, со своей стороны, пришел к выводу, что деньги, израсходованные на экспорт, эффективнее было потратить на развитие отечественной промышленности. В результате, затратив более 300 млн. рублей на иностранные автомобили, в ноябре 1915 г. решили развивать их отечественное производство.³⁵ Зависимость от зарубежных поставок возмутила даже сервильных правых деятелей. В начале ноября 1916 г. Нестор Тиханович-Савицкий писал из Астрахани Павлу Булацелю о том, что надо «немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне бы обеспечили русскую армию орудиями, снарядами, автомобилями <...> и поставили бы ее в полную независимость от союзников и от нейтральных держав».³⁶

Естественно, в этих условиях всякие надежды на модернизацию российской экономики рассеивались как дым. К тому же, теперь война требовала не просто наращивания новых вооружений. Даже в технологически передовой Германии в 1916 г. ощутили, что война перешла в новую стадию, стадию, «фронт превратился в пылающий котел, который нужно было поддерживать в рабочем состоянии»³⁷. Однако разработка вооружений все еще «отставала от технического прогресса»³⁸. В России об этом не приходилось и мечтать.

Как вели себя в этих условиях российские промышленники? Некоторым удавалось использовать рыночную конъюнктуру. Так, Акционерное общество шоколадной, бисквитной, конфетной и макаронной паровых фабрик «Блигкен и Робинсон», преодолев кризис и расширив производство за счет недорогих товаров, к октябрю 1916 г. вдвое увеличила уставной капитал (с 1,6 млн до 3,2 млн рублей).³⁹ Известно, что многие предприниматели жертвовали немалые суммы на нужды армии. Но обычно это было всего лишь частью верноподданнического ритуала, не исключавшего азарт наживы. Перед войной, по свидетельству человека, приближенного к верхам, «солидные фирмы отказывались от поставок в армию из-за сложности правил», в результате чего сложился устойчивый слой посредников между предпринимателями и армией, которые, сговариваясь между собой, взвинчивали цены и «прибегали зачастую к неблагоприятным приемам».⁴⁰ Были и другие способы использования ситуации. Так, Карл Ярошинский, получил в годы войны 400-миллионный кредит в Государственном банке на организацию военной промышленности, но потратил значительную часть этих денег на скупку десятков прибыльных сахарных заводов.⁴¹

³⁴ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны С. 186.

³⁵ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. С. 248.

³⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1059, л. 976 а.

³⁷ Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923–1933. М., 2008. С. 34.

³⁸ Там же.

³⁹ Барышников М. Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006. С. 204.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 5881, оп. 2. д. 110, л. 11.

⁴¹ См.: Фурсенко А. А. Конец «русского Вандербильта» // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 333–337.

В правительственных верхах говорили: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно».⁴²

Предприниматели отвечали соответственно. В 1915 г. известный предприниматель Владислав Жуковский так отзывался о сотрудничестве с правительством на «экономической почве»: «Концепция эта, казавшаяся <...> правильной, жизнью была опровергнута. Жизнь показала, что страна по этому пути не пойдет».⁴³

* * *

Тем временем военное противостояние превратилось в войну на истощение. Как ни парадоксально, здесь Россия проиграла. Причем вовсе не из-за недостатка продовольствия. Слабости управления сказались и на без того слабой инфраструктуре народного хозяйства. Еще в ноябре 1914 г. из действующей армии жаловались, что на железных дорогах творится «настоящий грабеж, не только развито взяточничество с поставщиков со стороны железнодорожных служащих, сговорившихся с железнодорожным комендантским персоналом, но и развито воровство пересылаемых вещей».⁴⁴ Со временем положение ухудшилось. 21 декабря 1916 г. министру Кривошеину писал из Перми – одного из центров оборонного производства – руководитель предприятия, на котором было занято 20 тыс. рабочих: «Слишком <...> медленно мы идем. Здесь на Урале, который <...> дает почти треть государственной обороны, это особенно ясно. Здесь и половина не делается того, что должно быть сделано. <...> Главное нет плана <...> нет предвидения». В результате, отмечал он, возник «паралич перевозок»: «рожь и пшеница не доходят до мельниц, <...> горючее не попадает к домне». В конечном счете, прекратится выплавка чугуна, не будет железа и стали для снарядов и пушек. Автор письма считал, что все это вызвано «чрезмерной централизацией распоряжений». Положение казалось ему безвыходным: «остается только надежда на Николая Чудотворца».⁴⁵

В целом, к 1917 г. выяснилось, что российская власть предстает беспомощной, когда речь заходит об отыскании хозяйственных стимуляторов внутри страны. Налицо был врожденный порок государственной производственно-распределительной политики. Особенно это сказалось на продовольственных поставках. Поскольку не было выработано общего, детально проработанного плана снабжения армии, запасы продовольствия расходовались быстро. Во второй половине ноября 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом Алексей Брусилов в телеграмме министру земледелия Александру Риттиху жаловался, что «крайнее однообразие пищи действует угнетающе на людей».⁴⁶

Между тем, продовольствия в стране хватало. «В деревне сейчас хлеба много, на базарах всегда много мяса, птицы и хлеба», сообщали из Саратовской губернии

⁴² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 119.

⁴³ Цит. по: *Барышиников М. Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. С. 406.

⁴⁴ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 979 л. 47.

⁴⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1067, л. 1736.

⁴⁶ Цит. по: *Сербин А. И.* Первая мировая война: Россия накануне и в годы войны (1914–1918 гг.). Омск, 2009. С. 31.

в ноябре 1916 г. Отмечали только нехватку сахара и керосина.⁴⁷ Впрочем, деревню больше будоражил другой вопрос – «несправедливые» цены, по которым с конца 1916 г. выплачивались деньги за реквизируемые продукты.

О последствиях такого положения предупреждали. Порой для его исправления рекомендовались радикальные меры. Так из столицы сообщали, что «надежд на упорядочение дела продовольствия тыла никто не питает и воз вероятно останется на месте, пока за дело не возьмутся крутыми и радикальными мерами». В связи с этим «полезнейшею мерою», помимо арестов и всякого рода спекулянтов, считалась конфискация нажитых «мародерами тыла, не исключая сановных», денег и драгоценностей.⁴⁸ Но все чаще обвиняли правительство. Из далекой Читы в ноябре 1916 г. сообщали: «Пока правительство разбирается в том, кому из министров отдать продовольственное дело, общая разруха еще более увеличится и вспыхнет революция, превосходящая 1905 г. Страшная дороговизна совершенно не по силам бедноте. Отношения между имущими и неимущими обостряются с каждым днем».⁴⁹

Однако ситуация вряд ли поддавалась исправлению. В начале февраля 1917 г. в частной переписке можно было встретить такое мнение о положении дел с продовольствием: «В то время, когда в Сибири гниют 4 миллиона пудов мяса, в черномоземных губерниях гниют миллионы пудов ржи и пшеницы, а в самой Москве на Виндавском вокзале сгнили два миллиона яиц, народ первопрестольной нуждается в корке даже черствого хлеба». Автор письма видел причину в том, что Министерство внутренних дел враждует с Министерством земледелия, а оба министерства дружно выступают против общественных организаций, пытающихся решить продовольственную проблему.⁵⁰ Из самой Москвы в это же время жаловались, что «миллионы пудов говядины в Сибири гниют, в Астрахани рыба тоже, а у нас ничего нет»⁵¹. Из Чернигова – края отнюдь не обиженного продовольствием между тем сообщали, что «сотни тысяч пудов муки гниют на станциях Круты, Бахмач и Конопот»⁵².

Казалось, что в чисто военном отношении ситуация медленно выравнивалась. Это было связано с увеличением оснащенности армии простыми видами вооружений. Однако, качественного обновления экономики не происходило. Кроме того, состояние инфраструктуры грозило срывом поставок не только гражданского, но и военного назначения. Этой опасности не замечали, а потому к концу 1916 г. в верхах появилось убеждение, что Россия может вести наступательные действия.

И сегодня некоторым кажется, что Россия была в двух шагах от победы. На деле боеспособность армии зависела не только от ее «духа», о чем твердили российские «патриоты», но и от способности быстро обновлять военную технику. Не учитывалось также, что военное оснащение в гораздо большей степени, чем раньше,

⁴⁷ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1060, л. 1081.

⁴⁸ Там же. Л. 1093.

⁴⁹ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1059, л. 955.

⁵⁰ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1070, л. 29.

⁵¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1071, л. 16.

⁵² Там же. Л. 26.

опиралось на всеобщую готовность рабочих поставлять энергию для бесперебойного снабжения войск.⁵³ Впрочем, мало кто понимал тогда это в полном объеме и в других странах. Другое дело, что обладание гибкой экономикой помогало своевременно исправлять положение.

В российских верхах не замечали, что империи выгоднее обороняться, ибо она по-прежнему не располагает новейшими наступательными видами вооружений. Не замечали и особенно опасного в условиях тотальной войны разрыва между индустриальным и аграрным секторами экономики. Бюрократы, как всегда, упивались магией валовых показателей, «ведомственное мышление» противостояло системной оценке ситуации. А тем временем народ устал от тягот войны и окончательно разуверился во власти.

Россия оказалась неспособна вести тотальную войну не столько в силу отсталости экономики, сколько по причине управленческой несостоятельности. Цена за непомерные надежды на «освободительную» роль войны оказалась непомерно велика.

⁵³ Юнгер Э. Националистическая революция. С. 239–240.